

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 81'2

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-5-86-93

ЖАНР БАЛЛАДЫ КАК ПОЛЕ ДЛЯ ЭКСПЕРИМЕНТА У И. В. ГЁТЕ

Козин А. А.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: kozzin@mail.ru

Поступила в редакцию 16.04.2025

После доработки 30.06.2025

Принята к публикации 03.07.2025

Аннотация

Цель. В статье исследуется поэтика баллад «Рыбак» и «Лесной царь», выявляется, почему, сохраняя видимую внешнюю жанровую основу, они заметно отличаются от подобного рода произведений других поэтов.

Процедура и методы. При анализе учитываются принципы описательного, культурно-исторического, историко-типологического, сравнительно-сопоставительного методов.

Результаты. Приведены аргументы относительно того, что лирический элемент баллады Гёте особого свойства, он подвигает читателя на индуктивно-дедуктивное восприятие стихотворения, в котором энергия сюжета то центростремительна (баллада), то центробежна (притча); конкретика сменяется обобщённостью. Таким образом, баллада Гёте получает черты других жанров, не всегда с нею смежных.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии особенностей лирического элемента Гётевской баллады и попытке прояснить техническую сторону этого явления. Полученные результаты могут быть использованы как в научных целях, так и в области преподавания.

Ключевые слова: баллада, лирический элемент, образ, строфа, сюжет, эпитет

Для цитирования:

Козин А. А. Жанр баллады как поле для эксперимента у И. В. Гёте // Отечественная филология. 2025. № 5. С. 86–93. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-86-93>.

Original research article

BALLAD GENRE AS J. W. GOETHE'S EXPERIMENTAL FIELD

A. Kozin

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: kozzin@mail.ru

Received by the editorial office 16.04.2025

Revised by the author 30.06.2025

Accepted for publication 03.07.2025

Abstract

Aim. To explore the poetics of the ballads “The Fisherman” and “Erlkönig” and reveal why they differ markedly from similar works by other poets while maintaining a visible external genre basis.

Methodology. The analysis considers the principles of descriptive, cultural-historical, historical-typological, comparative methods.

Results. Arguments are given regarding the fact that the lyrical element of Goethe’s ballad has a special property, it motivates the reader to an inductive-deductive perception of the poem, in which the energy of the plot is either centripetal (ballad) or centrifugal (parable); specificity is replaced by generalization. Thus, Goethe’s ballads take on the features of other genres, which are not always related to it.

Research implications lie in revealing the features of the lyrical element of the Goethe’s ballad and clarification of the technical side of this phenomenon. The results obtained can be used both for scientific purposes and in the field of teaching.

Keywords: ballad, hero, lyrical element, image, stanza, plot, epithet.

For citation:

Kozin, A. A. (2025). Ballad Genre as J. W. Goethe’s Experimental Field. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 5, pp. 86–93. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-86-93>.

Введение

В прошлом, 2024 году, значительная часть мирового учёного сообщества отмечала юбилей Гёте. И хотя “Goethezeit” отстоит от нашего времени более чем на двести лет, наследие немецкого классика продолжает приоткрывать новые грани этой поистине титанической натуры. Физики, химики, нейрохирурги, патологоанатомы, политики, юристы, геологи, метеорологи, антропологи, врачи, ботаники, зоологи, литературоведы, специалисты прочих областей знания отыскивают в художественном и естественно-научном наследии Гёте идеи новые даже для нашей современности! Литературное творчество Гёте – особая страница его биографии, т. к. в основном он известен как литератор. Баллады Гёте исследовались практически сразу после выхода в свет, но и по сей день они являются достойным предметом изучения и дискуссий.

Если собрать все научные труды, посвящённые гётевским балладам, получится внушительный список, который займёт десятки страниц. Авторы проводили изыскания в области особенностей героев баллад Гёте (Р. Хиршенauer, У. И. Ареше), связи с фольклором (Х. Бергман), композиции (Е. Хок), идейной направленности (М. Коммерель). О

переводах и интерпретациях баллад Гёте писали С. И. Соболевский, А. З. Раскин, Е. И. Волгина, А. А. Гутнин и др.

Лирические свойства баллады как одной из форм выражения натурфилософских концепций И. В. Гёте

Немецкая литературная баллада имела непростой путь формирования. Истоки авторской формы этого жанра – фольклор, причём не только немецкий. На определённом этапе значительную роль сыграли сборники Дж. Макферсона, Т. Перси, Э. Мале. «Тематические и эмоциональные особенности англо-шотландской баллады послужили причиной её широкого проникновения в литературу почти всех европейских народов со второй половины XVIII века, когда выходят “Песни Оссиана” (*The Poems of Ossian*) Дж. Макферсона (1760–1765) и “Памятники старинной английской поэзии...” (*Reliques of Ancient English Poetry, edited by Thomas Percy, was the first of the great ballad collections, though he may have written some of it himself based on ballad fragments*) епископа Т. Перси (1765–1794). В своё время на них обратил пристальное внимание И. Г. Гердер, после чего решил издать подобное собрание немецкого фольклора. Эта идея была воплощена в сборнике «Голоса народов в песнях»

(*Stimmen der Völker in Liedern*) (1778–1779)» [1, с. 7–8]. Не менее важную роль в формировании немецкой литературной баллады сыграл бенкельзанг и его литературные варианты, в частности, «романсы» Л. Глейма. Нельзя упускать из внимания опыты с сюжетным стихотворением Л. Г. К. Хельги, М. Г. Лихтвера, Г. В. Герстенберга. Их «балладоиды» (термин В. Н. Топорова) сыграли значительную роль в формировании жанра. Оригинальный вариант баллады представил И. Лёвен [2]. Завершающей стадией в этом отношении явился И. Г. Бюргер, создавший в 1773 г. «Ленору» (*Lenore*), которая была признана образцом литературной баллады: «Обширная переписка Бюргера, связанная с этой балладой, свидетельствует о том, что поэт ставил перед собой вполне определённую цель – создать достойный образец жанра немецкой литературной баллады. Последующий резонанс этой баллады во всей Европе, многочисленные переводы её и подражания ей доказывают, что Бюргеру удалось сотворить поэтический шедевр, своеобразный канон литературной баллады»¹. Наконец, И. В. Гёте экспериментировал с балладой на протяжении всего своего творчества, и ему удалось создать особый, оригинальный вариант жанра, о чём и пойдёт далее речь.

Уже на раннем этапе, в 1770-е гг., Гёте начал свои эксперименты в области баллады. За основу был взят «живой» фольклор. «Известно, что Гердер знакомился с немецкими народными песнями по книгам и старинным рукописям, тогда как Гёте, напротив, записывал их (преимущественно баллады) со слуха, воспроизводя и мелодии, на которые они пелись; тем самым Гёте предвосхитил новейшие методы фольклористов XIX и XX вв. Ряд его записей Гердер включил в свой сборник “Голоса народов в песнях”, среди них также и оригинальные стихотворения Гёте, написанные в подражание народным песням (“Фульский король” (*Der König von Thule*),

“Дикая розочка” (*Heidenröslein*) и др.), приняв их за подлинные».²

В этих ранних балладах («Цыганская песнь» (*Zigunerlied*), «Фиалка» (*Veilchen*), «Фульский король» и др.) можно увидеть обращение к распространённому в фольклоре мотиву срывания цветка («Дикая розочка»), а также инверсионную интерпретацию этого мотива («Фиалка»), вариант сюжета о суициде из-за несчастной любви («Спасение» (*Rettung*)). В этот период имеет место опыт работы с композицией («Перед судом» (*Vor Gericht*), лексикой («В конце некоторых слов присутствует знак ’ (*Kreis*, *Wort*)»). Такой лексический приём характерен для немецкого фольклора» [3, с. 525]). Эта фольклорная сторона баллад Гёте не всегда будет выдержана даже маститыми переводчиками: «В. А. Жуковский, несмотря на то, что достаточно верно передаёт содержание гётевской баллады (речь идёт о «Лесном царе». – А. К.), практически полностью отказывается от фольклорной стилистики оригинала и традиционно организует свой текст по принципам литературной баллады, к тому времени уже разработанным в его творчестве» [4, с. 30].

Гёте пока ещё осторожно экспериментирует. Создаётся впечатление, что он пробовал почву для дальнейшего построения чего-то более масштабного. В Первое Веймарское десятилетие (1775–1786) создаются «Рыбак» (*Der Fischer*, 1778), «Лесной царь» (*Erlkönig*, 1782), «Певец» (*Der Sänger*, 1783), последний из которых находится как бы в тени двух предыдущих стихотворений, содержащих больше типичных для баллады жанровых элементов. В «Певце» отсутствует один из главных для баллады признаков – элемент ужасного, фантастического (одна из особенностей жанра баллады – сочетание реального и фантастического) [5, с. 74]. Но дело не только в этом. «Рыбак» и «Лесной царь» заключают в себе глубокие философские (натурфилософские) идеи. В этих стихотворениях автор концентрирует своё и читательское

¹ Гугнин А. А. Комментарии // Эолова арфа: антология баллады. М.: Высшая школа, 1989. С. 631.

² Вильмонт Н. Комментарии // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1978. С. 692.

внимание не на фабуле, как это сделано у некоторых вышеперечисленных поэтов, которые тоже активно экспериментировали в этой области, а на идее как таковой. Так это сделано у И. Лёвена в «Юнкере Гансе из Швабии» (1760-е гг.), где основной является национальная идея, а не трагическая героика, как в фольклоре. Здесь идейное движение центробежно, а не центростремительно, как у того же Бюргера. В «Леноре» автор эмоциональную энергию направляет к сюжету, к действию. Даже уместное упоминание о сути Семилетней войны деликатно нивелируется концентрацией внимания на образе героини, выискивающей в колоннах солдат любимого Вильгельма. Гёте, подобно Лёвену, избирает центробежное движение от сюжета в область идейного простора.

«Рыбак» и «Лесной царь» знаменуют появление оригинальной Гётевской баллады. Об этих стихотворениях написано немало научных работ, в которых авторы предлагали глубокий, многосторонний анализ. И всё же есть, что ещё сказать об этих балладах. Для сравнения возьмём «Форель» (*Die Forelle*) Х. Ф. Д. Шубарта, возможно созданную по мотивам Гётевского «Рыбака». «Форель» написана в 1782 г. Шубарт мог ознакомиться с балладой Гёте или из собственно гётевских публикаций, или прочитать её в сборнике И. Г. Гердера «Голоса народа в песнях», где она также представлена [6, с. 88].

В балладе Шубарта мы видим схожую с «Рыбаком» ситуацию, хотя повествование ведётся от имени нарратора, а не лирического героя:

*В светлом ручейке в радостной спешке
пролетела, как стрела, капризная форель.
Я стоял у пристани и в сладком умиротворении
наблюдал за бодрым купанием рыб в ясном ручейке.
Рыбак с удилищем в прекрасном настроении
стоял на берегу и безразлично (с холодной кровью –
Und sah's mit kaltem Blute) смотрел, как ходят рыбки.
В светлой воде, думал я, он не поймает
форели на свою удочку. Наконец **вору**
(выделено нами. – А. К.) надоело ждать,
и он замутил ручейк; едва я об этом по-*

*думал, как дёрнулось его удилище, рыбёшка
забилась, и я с обливающимся кровью
сердцем наблюдал его обман (*Und ich, mit regem Blute, sah die Betrogne an*).
Вы ещё у истоков безопасной юности. Подумайте о
форели! Увидите опасность, так спешите
прочь! В большинстве случаев вам мешает
недостаток сообразительности; Девочки,
смотрите: совратитель с удочкой. Иначе
поздно (будет горевать), когда закровете
(*Sonst blutet ihr zu spät*) (перевод и курсив
наши. – А. К.).*

Для сравнения приводим подстрочный перевод баллады И. В. Гёте «Рыбак»:

*Вода шумела, вода прибывала, у волн
сидел рыбак, смотрел равнодушно, с хо-
лодным сердцем (*Kühl bis ans Herz hinan*)
на удочку. И так он сидит, и так он при-
слушивается (*lauscht*), поток раскрывает-
ся; из подвижной воды поднимается некая
женская сущность, водяной дух. Она пела
ему, она говорила ему: что ты человечески-
ми хитростями и уловками заманиваешь
мой выводок навверх, в смертельное пекло?
Ах, знал бы ты, как рыбке привольно на
дне; ты сойдёшь вниз таким, как ты есть,
и станешь первозданно здоров! Разве милое
солнце, луна не тешатся в море? Подвижно
волнодышащее (*wellenatmend*) твоё лицо
не вдвойне красивее? Тебя не манит синее
небо, влажная сырая (*feuchtverklärte*) синева?
Вода шумела, вода прибывала, обняла его
босую ногу. Его сердце переполнилось томи-
тельным чувством, как при приветствии
любящих. Она говорила с ним, она пела ему;
и тут с ним произошло следующее: отча-
сти она его тянула, отчасти он сам сту-
пил с берега, и не стал больше виден (пере-
вод наш. – А. К.).*

На первый взгляд, «Форель» Шубарта и «Рыбак» Гёте имеют мало общего. «Форель» сделана в стиле «романсов» Л. Глейма, восходящих к бенкельзангу. Но в бенкельзангах трагедия происходит с человеком, а Шубарт в рокайльном ключе представляет гибель форели как прозрачную аллегорию любовного соблазнения опытными «рыбаками» доверчивых девушек. Шубарт, подобно своим современникам, И. В. Л. Глейму и Л. Х. Г. Хельти, в

финале баллады представляет мораль, скорее, не драматического, а рокайльно-шутливого характера:

Meist fehlt ihr nur aus Mangel
Der Klugheit; Mädchen, seht
Verführer mit der Angel –
Sonst blutet ihr zu spat.¹

(В большинстве таких случаев недостаёт сообразительности; девочки, смотрите: совратитель с удочкой – иначе поздно (будет горевать), когда закроете) (перевод наш – А. К.).

У Глейма:

Beim Hörer dieser Mordgeschichte
Sieht jeder Mann
Mit liebeich freundlichem Gesichte
Sein Weibchen an,
Und denkt: Wenn ich es einst so fände,
So dacht ich dis:
Sie geben sich ja nur die Hände,
Das ist gewiß!²

(Каждый мужчина, услышавши эту «криминальную историю», смотрит на любящее дружеское личико своей жёнушки и думает: если я когда-либо так оставлю её, то, думаю, она даст <ему> только руки. Я в этом уверен! («Грустные и печальные последствия постыдной ревности» (*Traurige und betrübne Folgen der schändlichen Eifersucht*)).

У Хельти:

Läßt euch dies Beyspiel, Mädchen, rühren
Das Warnung spricht
Und flieht, so lang euch Reize zieren
Den Jungling nicht.³

(Вот вам пример, девушки, предупреждение жалобно гласит: спасайтесь, недолго прелести красть вашу юность («Апполон и Дафна» (*Appollo und Daphne*)).

¹ Schubart Ch. F. D. Die Forelle [Электронный ресурс]. URL: <https://www.DeutschePoesie.com> (дата обращения: 12.03.2025).

² Gleim L. Traurige und betrübne Folgen der schändlichen Eifersucht. [Электронный ресурс]. URL: <https://balladen.net/gleim/traurige-und-betruebte-folgen-der-schaendlichen-eifersucht> (дата обращения: 10.03.2025).

³ Hölty L.H.Ch. Apoll und Dafne [Электронный ресурс]. URL: <https://www.poemist.com/ludwig-heinrich-ch-holty/apoll-und-dafne> (дата обращения: 11.03.2025).

С «Рыбаком» Гёте стихотворение Шубарта сближает ряд, на первый взгляд, косвенных деталей (табл. 1).

На этом внешнее сходство кончается. Даже если допустить автономность поэтов при написании этих стихотворений, нельзя не отметить схожего авторского отношения к рыбной ловле как метафоре. Поэтому вполне допустима мысль о связи баллад. Но в итоге у Шубарта налицо центростремительное движение образной энергии к сюжету и, как следствие, морали. У Гёте – центробежное стремление к широкому идейному полю.

Система образов в стихотворении Шубарта представляет собой конфликт природы и человека в бытовом плане. Рыбная ловля никогда не считалась делом постыдным и жестоким, даже если смотреть на этот вопрос с позиций религиозного милосердия. Но у Шубарта рыбалка не представлена занятием идиллически безобидным. Конфликт обозначен как нарушение гармонии природы и человека (рассказчик воодушевлённо любовался рыбками), выражающееся в осквернении человеком первозданной чистоты (рыбак замутил ручеёк), покушении на свободу резвящихся рыбок. Автор посредством рассказчика сужает обозначенную философскую мысль до конкретных нравственных критериев, ведёт к предупреждению, призывает к осторожности, дабы не стать жертвой любовного соблазна.

У Гёте ситуация иного рода. Человек (рыбак) представлен как дерзновенно бросающий вызов природе. Изначально ситуация не совсем обычная: рыбак удит рыбу в беспокойной воде (*Das Wasser rauscht, das Wasser schwoll...*). Вряд ли Гёте не имел представления о рыбалке, о том, что удить надо в спокойной воде, ибо в противном случае рыба перестаёт «гулять». Далее: вода беспокойная, а рыбак безучастно глядит на удочку. Этой антитезой Гёте с первой строфы создаёт атмосферу абсурдности, тревоги – человек действует вопреки элементарной логике, подобно тому, как герой ведёт себя в ситуации, свойственной «классической» народной балладе: «Герои немецких

Таблица 1 / Table 1

Схожие детали произведений / Similar details of the works

«Форель» К. Ф. Д. Шубарта	«Рыбак» И. Гёте
Лирический герой пребывает «в сладком спокойствии» (<i>in süsser Ruh</i>); Рыбак смотрел на ручеек «с холодной кровью» (<i>Und sah's mit kaltem Blute</i>);	Рыбак смотрел на удочку спокойно, с холодным сердцем (<i>Sah nach dem Angel ruhevoll, Kühl bis ans Herz hinan</i>);
Шубарт называет рыбака вором (<i>Diebe</i>); Действия рыбака называет обманом (<i>Sah die Betrogne an</i>);	Гёте словами героини похожим образом оценивает действия рыбака (<i>Mit Menschenwitz und Menschenlist</i>);
Герой Шубарта любит свободу рыбок (<i>Des muntern Fisches Bade</i>);	Героиня также говорит о том, что в воде рыбкам привольно (<i>Ach wüßtest du, wie's Fischlein ist / So wohligh auf dem Grund</i>)
Наблюдается антитеза: состояние рыбака-вора – состояние рассказчика: «Рыбак смотрел на ручеек “с холодной кровью”» (<i>Und sah's mit kaltem Blute</i>) – «И я с обливающимся кровью сердцем наблюдал его обман» (<i>Und ich, mit regem Blute, sah die Betrogne an</i>).	Антитеза: состояние рыбака до и во время встречи с водным духом: сначала он представлен равнодушным, «с холодным сердцем» (<i>Kühl bis ans Herz hinan</i>), затем «его сердце переполнилось томительным чувством, как при приветствии любящих» (<i>Sein Herz wuchs ihm so sehnsuchtsvoll, wie bei der Liebsten Gruß</i>).

баллад – личности большей частью невыдающиеся, зачастую обобщённые, которые волею рока втянуты в круговорот событий, заставляющего их действовать спонтанно, не сообразуясь с обыденно-утилитарными требованиями.¹ И вот, вместо рыбы появляется *feuchtes Weib*, некое мифическое существо, отчасти соотносимое с русалкой, наядой или ундиной, но таковым не являющееся. Но и это не всё. Посредством героини Гёте вводит в балладу мощный лирический элемент, отличный от того, что можно увидеть в фольклоре и литературных балладных опытах других авторов, того же Шубарта. Гёте как бы ретардирует художественное время, чтобы сконцентрировать внимание читателя на ситуации, весьма далёкой от бытовой. Он использует сложные эпитеты, зачастую сконструированные им самим: *Menschenwitz, Menschenlist, Todesglut, wellenatmend, feuchtverklärte Blau*. Наконец, состояние рыбака передаётся отчасти согласно народным традициям (*Sein Herz wuchs ihm so sehnsuchtsvol...*), отчасти исключительно в авторском видении:

(...*Wie bei der Liebsten Gruß*). Гёте подводит ситуацию к любовному томлению. Но что это за томление? Это не похотливое желание, а истинное преобразование-исцеление (*und würdest erst gesund*). В результате, изначально полуидиллическая картина превращается в широкую метафору, семантически близкую обрядовой мене «жизнь – смерть». Гёте намеренно замедляет действие, создаёт широкое смысловое поле, и баллада из так любимой народом «страшилки» становится мифолого-фантастической иллюстрацией концепта Природы.

В «Лесном царе» также наблюдается особая рода герой, «*Erlenkönig mit Kron' und Schweif*», относительно статуса которого в научной среде не раз открывались дискуссии. «В обыденном сознании баллада часто воспринимается как гётевская интерпретация фольклорного источника, однако, как показывают исследования, её сюжет является поэтическим вымыслом. И даже слово “*Erlknig*” было неологизмом, появившимся в немецком языке за три года до публикации текста благодаря случайности, и поэтому не несло на себе семантического груза прошлых веков» [7, с. 219]. У В. А. Жуковского он «Он в тёмной короне, с густой бородой», у Ап. Григорьева – «в венке, с бородой», у

¹ Курсанов Г. А. О мировоззрении гениального поэта и великого мыслителя [предисловие] // Гёте И. В. Избранные философские произведения. М.: Наука, 1964. С. 13–14.

В. Зотова и А. А. Фета он «в короне, с хвостом», у Ф. Миллера – «в короне и с длинным хвостом», у А. А. Бондалетова – «в ризе, в короне», у А. Н. Скворцова «Лесной царь в короне, как хвост, борода», у Н. Теллера это «Леший – в венце, с хвостом», у З. Быковой и В. П. Коломийцова Лесной царь «с короной на челе», у С. Заяицкого – «в короне и длинном плаще». «Иногда подобную рольность переводчика исследователи связывают с трудностью или даже невозможностью точной передачи образного строя Гёте» [4, с. 217]. Каждый из переводчиков прав. Schweif можно перевести и как «хвост», и как «шлейф», и как «плащ»: «Проблема адекватности перевода этого словосочетания возникает потому, что в современном немецком языке одно из значений слова “Schweif”, актуальное для XVIII века, – подол длинной юбки, шлейф, длинная мантия ... – постепенно выходит из употребления, сохранился только “хвост”. Гёте же в своих произведениях использует оба значения, причём “хвост” для него – это хвост демонический, а не львиный, как его охарактеризовала Цветаева» [7, с. 218].

В «Леном царе» основа коллизии построена на принципе «верю – не верю», текстуально выраженном как «вижу – не вижу». В результате конфликт разрешается в пользу «верю, вижу, есть, существует». В этой балладе нет авторских неологизмов, подчёркивающих исключительность ситуации, как в «Рыбаке», но все исследователи отмечают, что Гёте в ней сконцентрировал результаты своих натурфилософских раздумий: «В современных немецких работах *Erlknig* совершенно справедливо интерпретируется как образ-символ самой царствующей природы, отражение гётевских ранних (доклассических) воззрений на природу, с отсылкой к анонимному фрагменту “Природа” (“Die Natur”), инспирированному Гёте в эпоху создания баллады, записанному Г. Х. Тоблером после разговора с ним и опубликованному в тифуртском журнале в 1783 году ... Действительно, баллада будто иллюстрирует некоторые положения этого большого афоризма о

природе, в отдельных местах буквально совпадая с ним» [7, с. 218].

Заключение

По итогам наших наблюдений следует заключить, что, конечно, Гёте экспериментировал, но так в большей или меньшей степени делали все: кто относительно сюжета и образа, кто в плане композиции или других областей общей и частной поэтики. Гёте выделяется тем, что экспериментальность его баллад имеет мощную концептуальную основу – подход к исследованию природы как некоему единому образованию, где часть характеризует целое и является его неотъемлемым элементом, о чём он сам не раз упоминал.

В силу перечисленных выше признаков «Рыбак» и «Лесной царь» резко выделяются на фоне прочих баллад Гёте и других авторов. Бюргер, создав эталон жанра, использовал эту константную модель, снабжая её другим строфическим построением, сюжетом и т. д. («Дикий охотник», «Дочь пастора из Таубенгейма» и др.). Гёте такой подход свойственен не был. Практически каждая его баллада – новшество в области жанра, большое или маленькое. Это могло касаться композиции, образов героев, сюжетов, художественных средств и пр. Поэт создавал особое лирическое пространство посредством различных стилистических приёмов, тропов, деривации и тому подобное, что обеспечивало центроостремительное движение фантазии читателя от сюжета к широкому идейному полю. Гёте зачастую использовал балладу как «рамку» или иллюстрацию своих философских наблюдений. Таким образом, из «страшилок» они превращались в определённый тезис, развёрнутую метафору философской (натурфилософской) гипотезы.

Обращаясь к балладе, Гёте по возможности использовал её жанровые возможности в контексте личностного видения глобальной картины мира, микро- или макрокосма. Балладные эксперименты – лишь частный случай в контексте его наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козин А. А. «Ленора» Г. А. Бюргера: истоки и рецепция. М.: Звезда и Крест, 2016. 172 с.
2. Козин А. А. Реалистические тенденции в немецкой литературной балладе XVIII в. (И. Ф. Лёвен) // Поиски нового художественного языка в зарубежной литературе: сборник научных трудов / отв. ред. А. А. Стрельникова. Вып. 2. М.: Государственный университет просвещения, 2023. С. 4–14.
3. Чернякова О. Языковые средства художественной выразительности в балладах И. В. Гёте // Сопоставительное изучение германских и романских языков и литератур: материалы XXI Международной студенческой научной конференции, Донецк, 22–23 марта 2023 г. Донецк: Донецкий национальный университет, 2023. С. 523–526.
DOI: 10.17223/24099554/16/2.
4. Павлова М. В. Три «Лесных царя» // Имагология и компаративистика. 2021. № 16. С. 29–38.
DOI: 10.17223/24099554/16/2.
5. Леонтьева О. А. Сравнительно-сопоставительный анализ переводов баллады И. В. Гёте “Erlkönig” // Молодёжь и кооперация – 2024: тезисы докладов XLVIII Межрегиональной студенческой научной конференции, Чебоксары, 5 апреля 2024 г. Чебоксары: Российский университет кооперации, 2024. С. 72–75.
6. Козин А. А. Баллада “Röschen auf der Heide” из сборника И. Г. Гердера «Голоса народов в песнях»: фольклорный прототип баллады И. В. Гёте “Heidenröslein” или мистификация? // Идеино-художественное многообразие зарубежных литератур нового и новейшего времени: межвузовский сборник научных трудов. Ч. 4. М.: Народный учитель, 2001. С. 84–89.
7. Лагутина И. Н. Два Лесных царя? Литературные источники перевода А. Жуковского баллады “Erlkönig” // Вопросы литературы. 2020. № 4. С. 217–238.

REFERENCES

1. Kozin, A. A. (2016). *G. A. Burger' "Lenora": Origins and Reception*. Moscow: Zvezda i Krest publ. (in Russ.).
2. Kozin, A. A. (2023). Realistic Tendencies in the German Literary Ballad of the 18th Century (I. F. Löwen). In: *Search for a New Artistic Language in Foreign Literature: Collection of Scientific Papers. Iss. 2*. Moscow: Federal State University of Education publ., pp. 4–14 (in Russ.).
3. Chernyakova, O. (2023). Linguistic Means of Artistic Expression in the Ballads of J. W. Goethe. In: *Comparative Study of Germanic and Romance Languages and Literatures: Proceedings of the XXI International Student Scientific Conference, Donetsk, March 22–23, 2023*. Donetsk: Donetsk National University publ., pp. 523–526 (in Russ.).
4. Pavlova, M. V. (2021). Three “Forest Kings.” In: *Imagology and Comparative Studies*, 16, 29–38. DOI: 10.17223/24099554/16/2 (in Russ.).
5. Leontyeva, O. A. (2024). Comparative and Contrastive Analysis of Translations of J. W. Goethe's Ballad “Erlkönig.” In: *Youth and Cooperation – 2024: Abstracts of the XLVIII Interregional Student Scientific Conference, Cheboksary, April 5, 2024*. Cheboksary: Russian University of Cooperation publ., pp. 72–75.
6. Kozin, A. A. (2001). The Ballad “Röschen auf der Heide” from J. G. Herder's Collection “Voices of the Peoples in Songs”: Folklore Prototype of J. W. Goethe's Ballad “Heidenröslein” or a Hoax? In: *Ideological and Artistic Diversity of Foreign Literatures of Modern and Contemporary Times: Interuniversity Collection of Scientific Papers. Pt. 4*. Moscow: Narodny Uchitel publ., pp. 84–89.
7. Lagutina, I. N. (2020). Two Forest Kings? Literary Sources for A. Zhukovsky's Translation of the Ballad “Erlkönig.” In: *Voprosy literatury*, 4, 217–238 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козин Александр Александрович (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: kozzin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Kozin (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: kozzin@mail.ru